



**Boris Dubin, Lev Gudkov**

## Процесс: дело ЮКОСа в общественном мнении России

**Экспозиция судебного процесса.** Возбуждение уголовного дела против компании "ЮКОС" и последующие аресты ее руководителей стали не менее важным индикатором политических изменений в России, чем развязывание второй чеченской войны осенью 1999-го. Если возвращение к силовому варианту взаимоотношений с Чечней (прологом здесь была первая война 1994 г., ставшая решающим переломом в системе ельцинского правления) обозначило номенклатурный поворот к полицейскому государству и, тем самым, конец декларативного политического реформаторства, то так называемое "дело ЮКОСа" выявило иллюзорный характер надежд на либерализацию экономики, ее самодетерминируемость, на возможности становления независимой правовой системы.

С социологической точки зрения резко усилившаяся самостоятельность спецслужб и новая, активная роль репрессивных органов (генпрокуратуры, суда) в политике, экономике, СМИ, в культурной жизни свидетельствовала не просто о тенденциях к консервации сложившегося положения, но и указывала на границы наметившихся процессов социальной дифференциации, автономизации социальных институтов. И те, и другие события указывали, каждый в своем роде, направление сил и интересов, в поле взаимодействия которых и происходит адаптация оставшихся посттоталитарных структур российской власти к изменившимся условиям существования. Мы оставляем сейчас в стороне вопросы, почему меняются сами эти условия, и рассмотрим другой круг проблем: как реагирует на эти события масса населения, лишенная выбора источников информации, альтернативных официальным и официозным<sup>1</sup>, или, формулируя немного иначе, каковы сами этические основания этой массы, ее представления об отношениях отдельного человека и государства. В конечном счете, именно от того, как люди расценивают свои возможности в сравнении с возможностями власти, зависят и перспективы социальных изменений.

Как глава одной из самых быстро растущих и преуспевающих нефтедобывающих компаний, концерна "ЮКОС", Михаил Ходорковский приобрел известность лишь в начале 2000-х годов. Его популярность не стоит переоценивать: до начала судебного процесса это имя было знакомо, если не считать деловых кругов, главным образом лишь экспертам и аналитикам в области экономической политики. За несколько лет из убыточного государственного предприятия, какими в начале 1990-х годов были очень многие государственные компании, в том числе — и в нефтегазовых отраслях, Ходорковский превратил ЮКОС в самую эффективную в России компанию. Основой успеха была не только технологическая модернизация производства, но, прежде всего,

создание системы совершенно нового менеджмента и подготовки кадров.

Однако именно успех компании заставил ее руководство понять простую вещь: дальнейшее развитие концерна в постсоветском стиле "хватай, пока не отобрали" стало уже невозможным, короткий период "грюндерства", "начального накопления" заканчивается. В стране, в том состоянии, в котором она находилась в 90-е годы, нет достаточно свободных денег, кредитов, для устойчивого развития экономики. Открытое недоверия населения к действующей институциональной системе, прежде всего — к правительству, банкам и другим финансовым учреждениям, суду и правоохранительным органам (то есть тем структурам, от которых зависело поддержание социального порядка в обществе), оказывало парализующее воздействие на инвестиции в реальный сектор производства и, соответственно, на внутреннее потребление, поддерживало постоянный отток капиталов из страны. Перспективы серьезного развития для крупного бизнеса открывались лишь с выходом на международные кредитные рынки и превращением компании в транснациональную, а это значило переход к принципиально иным, неизвестным в России, формам финансово-промышленного управления, отношений с государством и партнерами — легализацию и выведение из "тени" всего финансового оборота, прозрачность отчетности, долговременное планирование инвестиций и проч.<sup>2</sup>

По-видимому, сам Ходорковский ясно понимал (по крайней мере, он не раз заявлял об этом), что подобная программа сама по себе, в рамках отдельной компании, пусть даже очень большой, будет носить утопический характер, а изменения действительно возможны только при условии, если начнет меняться социально-правовой и культурный контекст, когда перемены начнут захватывать и социально-политическую среду существования бизнеса, когда дело коснется институциональных трансформаций.<sup>3</sup> То, что такого рода представления отнюдь не являются исключительно субъективными взглядами самого Ходорковского, а были довольно распространенными мнениями в бизнес-элите, — факт достаточно известный, если судить по различным заявлениям предпринимателей в конце 90-х — начале 2000-х годов<sup>4</sup>. М.Б.Ходорковский был вынужден включиться в довольно широкий круг политических отношений и общественной деятельности, выступая спонсором множества социальных, научных и образовательных программ, проектов по содействию развитию независимых СМИ, гражданского общества, правовых реформ. Собственно тогда он и начал приобретать широкую известность.

Но именно эта его разветвляющаяся деятельность столкнулась с планами и интересами президентского окружения, медленно, но систематически усиливающего централизованный контроль над общественно-политической жизнью в стране и ключевыми отраслями экономики, последовательно устранившего автономию разных институтов и групп. Для воссоздания старой, советской системы у этой номенклатурной группировки не было ни сил, ни возможностей, ни даже особого желания. К руководству страной пришла (или возникла в ходе закрепления своих позиций во властных структурах) явно довольно рыхлая, слабая по своему составу и солидарным связям группа мелких политических и государственных карьеристов, лишенных каких-либо идеологических предпочтений и объединенных только интересами любой ценой удержаться у власти. Вынесенные наверх турбулентными движениями и аппаратными интригами внутри номенклатуры после

кризиса 1998 года, эти случайные, сознающие свою временность, по-разному образованные и в разной степени профессионально компетентные люди оказались объединенными лишь задачами "стабилизации" режима и приспособления к нему. Их беспринципность, непродуктивность, или лучше сказать, социальная и интеллектуальная ограниченность, вкупе с внутренним непрекращающимся страхом за собственное положение делали ситуацию в стране весьма опасной, поскольку образ мыслей и социальный опыт этих людей толкал их к кажущимся очевидным, элементарным решениям, по большей части репрессивным или силовым, о последствиях которых они не думали, поскольку не могли их просчитать и не привыкли это делать.

Соответственно, логика развертывания становящихся все более сложными и трудно решаемыми проблем заключалась в том, что уровень компетентности должен был последовательно снижаться, порождая, в свою очередь, следующие проблемы, которые интерпретировались все более примитивным, популистско-демагогическим образом. Неудачи, искажение информации, мстительность, ярость и страх приводили ко все более грубым политическим просчетам и ошибкам, как это сегодня видно на Кавказе, в отношениях со странами СНГ, с ЕС, а внутри страны — в росте социального недовольства и накапливающихся явлениях экономического спада. В свою очередь, сохранение сплоченности на самой верхушке власти требовало особой лояльности Путину, что отражалось на соответствующем подборе кадров, все менее и менее работоспособных.

Напряжения и конфликты начались в период подготовки к парламентским выборам с финансирования Ходорковским оппозиционных партий — как "Яблока" и СПС, так и коммунистов. Первые попытки давления на Ходорковского, видимо, носили характер чистой импровизации чекистов из окружения Путина, но по мере разрастания конфликта (Ходорковский несмотря на все угрозы в его адрес отказался уступить, как это делали другие крупнейшие предприниматели из числа "олигархов" — Гусинский, Потанин — и принял вызов власти) у президентской администрации возникли новые планы в отношении к активам амбициозного магната.<sup>5</sup> Насколько можно реконструировать логику власти, вместе с желанием устранить Ходорковского возникли идеи экспроприировать богатейшую компанию и сделать ее, вместе с другими экспортно-сырьевыми концернами, одним из главных источников для финансирования складывающихся теневых структур власти, "параллельных" по отношению к конституционным органам управления, то есть, для превращения администрации президента в реальный штаб господства в стране.<sup>6</sup> Это означало бы, что массированное внедрение сотрудников спецслужб в экономические, политические и финансово-промышленные структуры, начавшееся при Путине<sup>7</sup>, появление сети неформальных связей, обеспечивающих контроль над ключевыми позициями в самых разных отраслях и сферах общества, получает самостоятельный, надежный и не подчиняющийся парламенту источник финансовых средств. Уже сегодня ответственные сотрудники администрации президента возглавляют советы директоров, наблюдательные советы, иные руководящие органы всех ведущих или наиболее доходных российских компаний (от Газпрома до крупнейших банков).

Однако "чекистам", то есть выходцам из КГБ, в окружении президента противостояли "экономисты" — группа, более компетентных,

образованных или, по крайней мере, более осторожных специалистов из числа оставшихся в правительстве чиновников—"реформаторов", пришедших сюда еще во времена Е.Гайдара и хорошо понимавших негативные последствия государственного произвола в экономике. Поэтому сам факт начавшихся преследований М.Ходорковского свидетельствовал об изменении соотношения сил в верхних эшелонах власти, обострении борьбы за власть между разными кликами и клиентельными кланами в руководстве страны (экономическим блоком в правительстве и партией "чекистов" в администрации президента, региональными властями и бизнесом, опирающимся на силовиков или представляющей их интересы).

Понятно, что попытки взять под "государственный" контроль собственность обладателей самых крупных компаний, отобрать ее или "заставить их "делиться"" исходили от чекистов в президентской администрации. Соответственно, и само следствие, и судебный процесс по делу "ЮКОСа" сопровождалось внеправовым давлением не только на обвиняемых, но и на связанных с ними деловых партнеров, служащих компании, их родственников, оказавшихся заложниками, возбуждением или угрозами возбуждения попутно крайне сомнительных в правовом плане шантажных уголовных дел с целью "расколоть" компанию и получить нужный обвинительный материал на руководителей ЮКОСа. Все эти приемы, характерные для тайной политической полиции, и методы, известные еще по времени борьбы с инакомыслящими, вызвали тревогу и сопротивление среди наиболее образованной и обеспеченной части российского общества.

Реакция бизнес-сообщества на преследования олигарха была весьма двусмысленной и осторожной. Ни одна из ассоциаций и организаций предпринимателей в России не решилась открыто и последовательно протестовать против давления на компанию и ее последующего разорения, несмотря на всю очевидную абсурдность предъявляемых обвинений<sup>8</sup>. Именно в бизнес-сообществе, как нигде, понимали, что власть, предъявляя гигантские размеры начислений в качестве штрафов за неуплату налогов, в два-три раза превышающих годовую прибыль компании, уже не просто шантажирует предпринимателей, как это было сплошь и рядом по отношению ко всем крупным компаниям, которые так или иначе откупались, но нацелена именно на разорение и банкротство ЮКОСа, с последующей передачей его активов в подконтрольные структуры. Кроме того, угрозы новых обвинений и возбуждения новых дел (от убийств до растраты) во время идущего процесса свидетельствовали не только о психологическом прессинге обвиняемых или сотрудников компании, но и о дальних планах властей уже в отношении других предпринимателей. Поэтому в бизнес-среде распространялись и страх за себя, и раздражение против "виновника", как это обычно и бывает в атмосфере подобных показательных процессов.

Среди бизнесменов преобладало мнение, что Ходорковский "зарвался", что он поставил под угрозу отношения бизнеса и власти, что власть теперь займется пересмотром итогов приватизации, а это приведет к обрушению всей непрочной конструкции российской рыночной экономики. Открытую солидарность с ним высказали очень немногие предприниматели. Дело здесь не только в отсутствии политических интересов "у русской буржуазии", как об этом писал еще Макс Вебер, или в слабости групповой солидарности. Более серьезные причины были связаны с особенностями формирования самого российского

предпринимательства, возникшего внутри государственной экономики и рекрутируемого по большей части именно из среды государственной бюрократии. Поэтому хотя большая часть бизнеса и была крайне встревожена угрозой возврата к авторитарному государственному контролю над экономикой, она довольно скоро приняла позу покорности власти. Рынок отозвался падением курса акций и интенсивным оттоком капитала, объемы которого за полгода выросли вчетверо, а затем – снижением темпов роста экономики.<sup>9</sup>

Долгое время о процессе не поступало каких-либо конкретных сведений. Суть претензий прокуратуры к ЮКОСу излагалась только в очень общем виде (назывались лишь размеры "долгов", которые от месяца к месяцу росли), обоснованность обвинения поэтому не могла обсуждаться, да и некому было эти вопросы обсуждать – слишком специальный характер они носили. Поэтому как в массовом сознании, так и в окол властных кругах причины гонений на ЮКОС не связывались с формальными обвинениями. Если в среде, близкой к власти, кое-что становилось известным о планах администрации в отношении ЮКОСа, то массовое сознание выстраивало себе собственные картинки происходящего, интересные для социолога прежде всего тем, что это были, главным образом, чистые проекции массовых ценностных установок и убеждений: о сути процесса население не имело никакой фактической информации. Когда же когда такие возможности – благодаря публикациям в малотиражной прессе — уже в ходе судебного разбирательства представились, значительная часть населения не сочла информацию достаточно значимой и интересной. Другими словами, более важными были собственные предрассудки или, как говорят немцы, "предпонимания" происходящего, диктующие характер мотивационных интерпретаций и переносов для тех или иных участников этих событий, равно как и само определение данной ситуации.

Более или менее внимательно следили за информацией о судебном процессе над руководителями ЮКОСа всего 11% россиян, но именно они в большинстве своем отнеслись к обвинениям резко критически. Примерно половина опрошенных вообще не следили за сообщениями СМИ об этом деле, однако именно среди этой массы, как это выяснилось в ходе регулярных опросов общественного мнения, в наибольшей степени распространены негативные настроения в отношении опального олигарха. Иначе говоря, здесь не требовалось добавки каких-либо новых сведений и интерпретаций — все уже было готово. В самом явлении рессантимента в отношении богатых нет ничего ни нового, ни удивительного, особенно для населения, прошедшего длительную школу марксистской или квазимарксистской политической пропаганды. Единственно, что было неожиданным, это — сравнительно ограниченные масштабы распространения подобных настроений. Удовлетворение при известии об аресте Ходорковского испытали 25% опрошенных (хотя через месяц их стало уже 33%), у 19% оно вызвало недоумение и у стольких же — острое чувство возмущения, даже страха перед угрозой расширяющегося произвола властей (впрочем, уже через месяц эти страхи заметно ослабли — с 19 до 10%). Однако самая большая группа опрошенных (чуть меньше 40%) осталась равнодушной<sup>10</sup>. Рессантиментные реакции характерны главным образом для пожилых людей, уходящего советского поколения.<sup>11</sup> Здесь слабо различимы действие таких факторов, как образование или место жительства, более важным являются возраст и политические установки опрошенных (злорадство сильнее проявляют сторонники компартии и

популистских партий, прежде всего "родинцы"). Тревогу и возмущение это событие вызвало в социальных средах, обладающих уже накопленными социальными и культурными ресурсами. Более спокойно, если не сказать — равнодушно и отчужденно, на возбуждение уголовного дела и арест руководителей ЮКОСа отреагировала "середина", избиратели "Единой России".

**Версии происходящего.** Для россиян было совершенно очевидным, что действия Ходорковского в бизнесе ни чем принципиально не отличались от поведения десятков и сотен тысяч других предпринимателей, начавших в 1990–х гг. свое дело в России. Это было время, когда прежний социальный порядок стал разваливаться прямо на глазах, когда одни законы переставали что-нибудь значить, не будучи отменены, и одновременно во множестве появлялись другие, нормы которых противоречили друг другу, когда неформальные практики соглашения с властями разного уровня значили гораздо больше, нежели целые кодексы решений правительства или конституция. То, что Ходорковский, вместе со своими партнерами, не был "ангелом", понятно всем. Но одновременно для большей части населения России было несомненным, что в данном конкретном случае речь идет об "избирательном применении права", а стало быть, за этим делом стоит какая-то политическая или экономическая интрига. Однако однозначно понять мотивы прокуратуры, не будучи вхожим в коридоры власти, было довольно трудно, поскольку с президентством Путина и сменой президентской администрации в Кремле восстановилась атмосфера полной информационной закрытости, свойственная советскому Политбюро или придворной жизни каких-нибудь азиатских деспотов. Тем не менее, люди пытались по-своему прочесть тот мессидж, который адресовало им руководство страны.

Выросшее в атмосфере двоемыслия и идеологической демагогии население за годы советской власти привыкло к тому, что слова высших руководителей государства могут либо ничего не значить, либо иметь совершенно другой смысл, отличный от сказанного, а внешние действия скрывают или, по меньшей мере, камуфлируют реальные намерения власти. Для внешнего наблюдателя, предположим, европейского политолога, всерьез воспринимающего заявления российского руководства о демократии или правовом государстве, расхождения между декларациями политиков и их восприятием общественным мнением в российском обществе свидетельствуют о стойкой социальной шизофрении. Совершенно неважно, идет ли речь об усилении борьбы с коррупцией или с неуплатой налогов, о "диктатуре закона" или о свободе слова, как, например, это было в ситуации принудительной смены владельца популярного в 1990–е годы телеканала "НТВ", резко негативно освещавшего действия федеральных войск в Чечне, прямые слова и заявления властей практически мало что значат для российского обывателя. Точнее, они означают, что политик или руководитель государства ведет себя так, как оно и ожидается от публичного политика или государственного руководителя, ни перед кем не отвечающего за свои слова или действия. Это всего лишь дает понять, что он пребывает "в роли", а само подобное состояние расхождения смысла и значения политических акций — норма политического или социального поведения в позднесоветское и постсоветское время. Эта структура двойного счета или двоемыслия, выражаясь оруэлловским языком, как бы будто ослабела в первые годы ельцинских реформ, когда действительно происходили важнейшие социальные и институциональные изменения. Но с приходом

к власти Путина прежняя атмосфера восстановилось в полном объеме.

Поэтому у исследователя, социолога, описывающего или анализирующего реакции общественного мнения на события вокруг ЮКОСа, возникает свой специфический интерес: понять, как различные группы в обществе воспринимают и интерпретируют действия властей, о которых они имеют явно недостаточную информацию. Из общих социологических соображений следует, что групповые интересы предопределяют "расшифровку" или толкование скрытых мотивов руководства страны, в итоге восстанавливая для разных групп общую картину происходящего, видимо, довольно близко к реальности. Эффект видимой адекватности подобного прочтения основывается на том, что множество различных групповых толкований покрывает все возможное семантическое поле скрытых мотивов действия, выговаривая таким образом то, что пытается скрывать власть.

Итак, кто инициатор судебного дела? Реже всего опрошенные считали, что за возбуждением дела стоят именно стражи закона (таких было всего 12–15%; см. табл.1), гораздо чаще назывались "частные корыстные интересы" (44–46%). Чуть меньше трети респондентов вообще не представляли себе, что бы это могло значить и кто именно заинтересован в атаке прокуратуры на компанию. Иначе говоря, в сознании российского общества закон — всего лишь орудие достижения частных или групповых интересов, и он находится в руках тех, у кого есть власть или средства воздействия на правоохранительные органы.<sup>12</sup>

Таблица 1

По чьей инициативе и под чьим давлением прежде всего доводится до разорения компания "ЮКОС"? (в %)

	2004 июль	2004 август
Президента В. Путина	13	9
Генеральной прокуратуры	12	15
Других людей во власти, которые хотели бы "поживиться" за счет ЮКОСа	26	27
«Олигархов»-конкурентов	18	19
Затрудились ответить	31	31

С самого начала процесса (с лета 2003 года) категория опрошенных, полагавших, будто прокуратура "самостоятельно" возбудила дело против Ходорковского, составляла явное, но консолидированное меньшинство (26%, преимущественно это были рабочие и пенсионеры). Напротив, среди тех, кто убежден, что прокуратура выполняет *определённый политический заказ президента* (а таковых несколько больше, чем их оппонентов — 30%), существенно больше образованных людей, специалистов, руководителей разного ранга, военнослужащих и работников правоохранительных органов. Иначе говоря, различия в интерпретации действий отечественных служителей Фемиды обусловлены более высоким уровнем информированности респондентов и отчасти — политическими установками, партийной ангажированностью опрошенных. А это значит, что и понятие "политического" связано для российского социума, его различных групп прежде всего и по преимуществу с интересами не контролируемой обществом власти. "Политика" — это то, чем занята группировка, которой принадлежит власть, использующая открывающиеся перед ней возможности исключительно в своих интересах, и этот произвол признается как традиционное и необсуждаемое, не ставящее под сомнение право держателей власти.

Опыт людей, живших в советском или живущих российском обществе, контролируемым государством, тип массовой адаптации к государству, заставляет полагать, что государство здесь никогда не мыслилось как совокупность делегированных суверенитетов отдельных групп и граждан, контролируемой передачи частных прав и полномочий, как олицетворение коллективной воли или продолжение на высшем социальном уровне местных или локальных инициатив, общественной активности или их надындивидуальная объективация, сохраняющая какую-то ответственность перед ними. Напротив, государство всегда представлялось и продолжает представляться в виде самодостаточного верховного субъекта силы и власти, распорядителя ресурсов, полномочий. Это что-то вроде объективной персоны, обладающей своими собственными интересами, юридическими правами, даже – моральными воззрениями, отличными от частных людей<sup>13</sup>. Больше всего, конечно, такое представление походит на архаическое отношение крестьян к барину, своему равному и деспотическому помещику, хозяину крепостных (подданных), *господарю* в старом экономическом смысле слова, или, в "лучшем" случае — патерналистскому начальнику, каким вынужден быть любой начальник лагеря, отвечающий перед вышестоящими инстанциями за выполнение зеками спущенного плана и отсутствие ЧП. Здесь нет ни идеи суверенитета, ни разделения властей, ни "check and balance", а значит, что вообще отсутствует какое-либо представление о контроле населения за действиями властей или о профилактике произвола<sup>14</sup>.

По существу, мы имеем дело с домодерной, недифференцированной идеей государства, определяющей сознание российского обывателя. Государство здесь отождествляется с теми, у кого сегодня находится власть принуждать к повиновению. Здесь нет ни трансцендентной, ни метафизической, ни социальной, ни даже правовой санкции государственной власти. Это не дифференцированное, не рационализированное, пассивно-адаптивное отношение к государству в том смысле, что силовые линии воздействия направлены только сверху вниз, а реального и формального, процедурного обратного влияния массы населения на государственную машину не предусматривается. Российские суды, как и в советское время, не принимают соответствующие иски граждан к государству как таковому, что можно видеть на примере исков пострадавших после штурма "Норд-Оста" или других не состоявшихся дел.

Само по себе наличие подобных архаических, действительно традиционных (то есть, не просто пока еще недостаточно рационализированных, а нерационализируемых в принципе, не доступных, не подвергаемых осмыслению) представлений парализует важнейшие смысловые участки интеллектуальной и научной жизни в целом. Дело в том, что в данном случае речь идет не о каких-то периферийных аспектах коллективной жизни, а о значениях центральных, базовых институтов общества, определяющих направления и силовые линии его развития. Раз подобное государство апроприировало, сделало подконтрольной зону сферу высокого и идеального, в том числе — понятия долга и должного, коллективной солидарности, справедливости, вообще "культуру общества", то уделом субъективного сознания в России становятся состояние всеобщей скуки, бессилия и унылого терпения, рефлекторного отвращения к патетике, постепенно вырождающихся до тупого равнодушия или цинизма. Поэтому не только в массовой среде, но и в среде российских



"интеллектуалов" распространены одни и те же настроения: либо переживания своей пассивности, многообразия оттенков серого существования, либо формы агрессивного негативного самоутверждения (этноконфессиональная исключительность, ксенофобия, расизм, православный или исламский фундаментализм), включая и разного рода интеллигентские тусовки, будь то антибуржуазная анархо-коммунистическая фронда, рахитичный постмодернистский дендизм, демонстративная поддержка власти ("нашизм") и т.п. В любом случае, эти крайние формы, вяло реплицирующие единую модель скандала, демонстративного неприличия, отмечают лишь ценностную истощенность общественного сознания (если можно использовать в данном случае эти метафоры объективированного целого), ослабленность его эмоциональных и ценностных реакций.

Общественное мнение, воспринимая довольно скептически заявления официальных лиц, особенно в первые месяцы процесса, тем не менее не могло освободиться от выдвигаемых ими версий. В обществе могли какое-то время поддерживаться самые разные трактовки происходящего, с точки зрения логики исключающие друг друга или, по крайней мере, плохо согласующиеся между собой. Абсолютное большинство опрошенных (57%) в первое время считало, что кампания против ЮКОСа имеет чисто ситуативный, политически конъюнктурный характер, что она направлена на лишь то, чтобы "припугнуть олигархов"<sup>15</sup> (мнение о том, что власти всерьез намерены ограничить экономическое и политическое влияние крупного бизнеса на происходящее в стране, в первые месяцы процесса разделяли лишь 24%). Но чуть позже, эта же версия легко перетекла в другую, согласно которой этот процесс следует расценивать как символическое "начало передела собственности" (так его воспринимали 46% опрошенных). Иначе говоря, последний вариант легко соединяется с выдвинутыми ранее и общепринятыми "политически конъюнктурными" объяснениями и постепенно вытесняет их.

Общественное мнение стремится увидеть в этом деле не просто эксцесс (только 26% отнесли к нему как "частному случаю"), а подтверждение некоей нормы, соответствие общепринятым коллективным представлениям. Поэтому прокурорской риторике, постоянно воспроизводимым заверениям обвинителей, что "в этом нет никакой политики" деле (как и в случае с Касьяновым), а речь идет "именно о вульгарном мошенничестве, злоупотреблениях, экономических преступлениях, за которые обвиняемые должны понести соответствующие наказания", верили с самого начала сравнительно немногие, хотя позже, под влиянием официальной прессы, их число стало расти (см. табл.2). Более распространенными были версии межклановой борьбы, отеснения бизнеса от политики или опять-таки личная заинтересованность ряда лиц из непосредственного окружения Путина (администрации или сросшегося с ней бизнеса), причем эти варианты объяснения быстро приобретали все большую распространенность (табл.3а и 4). Достаточно сильной (и растущей) оказалась и поддержка варианта, характеризующего популистские ожидания, что власть усилит борьбу с богатыми (или только с еврейским капиталом).

#### *Таблица 2*

*Что Вы думаете по поводу возбуждения уголовных дел, арестов руководителей компании "ЮКОС"? Какая из следующих точек зрения Вам ближе? (в %)*

Это...	2003 июль	2003 октябрь	2004 апрель
связано с финансовыми махинациями руководителей компании и не имеет отношения к политике	15	26	27
начало новой масштабной кампании власти против "олигархов"	11	12	13
мера по ограничению влияния "нерусского" капитала в России	4	3	10
предвыборная акция с целью добиться дешевой популярности в глазах избирателей и "отвадить" бизнесменов от политики	18	9	13
эпизод борьбы за власть между разными политическими кланами	18	18	12
Ничего не слышал(а) об этом	17	18	8
Затрудились ответить	17	14	16

Таблица 3а

Как вы считаете, каковы основные мотивы преследования Михаила Ходорковского российской властью? (ноябрь 2004, в%)

Перевести активы, принадлежащие Ходорковскому, под контроль назначенных государством лиц	36
Ограничить влияние Ходорковского на общественную и политическую жизнь страны	26
Личная неприязнь к Ходорковскому со стороны конкретных высокопоставленных государственных чиновников	19
Стремление к восстановлению законности	16
Забота о благе страны – потратить на социальные нужды России деньги, полученные в результате дела	7
Затрудились ответить	19

Таблица 3б

Как вы считаете, каковы основные мотивы преследования Михаила Ходорковского российской властью? (июль 2005, в%)

Собственность Ходорковского (ЮКОС) захотели поделить между собой кремлевские чиновники и околоскремлевские бизнесмены	29
Власти опасаются Ходорковского и хотят ограничить его влияние на общественную и политическую жизнь страны	20
Личная неприязнь к Ходорковскому со стороны конкретных высокопоставленных государственных чиновников	12
Власти стремятся навести порядок и наказать ВСЕХ, кто совершал экономические преступления в эпоху приватизации	21
Власти стремятся вернуть российскому бюджету деньги, которые были недоплачены при приватизации и уплате налогов	19
Затрудились ответить	25

Таблица 4

Как вы полагает, к чему на самом деле стремится (стремилась) власть в деле "ЮКОСа"? (в %)

	2004 ноябрь	2004 декабрь	2005 январь	2005 июнь
Взыскать с компании недоплаченные налоги	31	26	24	37
Разорить и уничтожить компанию	16	17	17	17
Распродать компанию за бесценок "своим" людям	33	29	32	22
Ничего не знаю об этом, затрудняюсь ответить	20	28	27	24

В целом, именно слабое ценностное поле той или иной версии (различия между группами респондентов, придерживающихся разных вариантов объяснения, в целом незначительны, если не считать рессантиментных соображений, характерных для бедных и пожилых в столице и малых городах), неопределенность, невыраженность позиций респондентов, готовность соглашаться с несколькими, даже логически противоречащими друг другу оценками говорят об отчужденности населения от этого дела, о равнодушии к тому, что происходит в "политике", "наверху". Ну, съели эти гиены кого-то одного из своих, нам-то что от этого? В результате, когда воздействие становящихся все более единообразными официозных СМИ, в первую очередь – ТВ,

оказывалось слишком сильным и целенаправленным, можно сказать –массированным, общественное мнение довольно быстро уступало, соглашаясь с мнением властей (это становится заметным уже в мае 2005 года, когда процесс перешел в заключительную фазу — началось зачитывание приговора, см.таблица 4, верхняя строка: рост на протяжении месяца на 1/3 или на 13 пп. при одновременном уменьшении на ту же треть, то есть – 11 пп., прежде наиболее частного варианта ответа — "отдать своим людям за бесценок", и тем более уже после окончания суда, в июле 2005 года — табл.3б: снижение доли мнений о том, что ""кремлевские" наехали и отобрали", а также – "власти боятся политического влияния Ходорковского" и пропорциональное увеличение мнений, повторяющих официальные точки зрения).

Значение прежних частных мотивов (борьба с олигархами как врагами народа) или риторика "наведения порядка в экономике", близкие лишь электорату "оппозиционной" партии "Родина" и коммунистов, практически не меняется. Но при каждом обострении ситуации вокруг процесса вариант ответа "Ходорковский нарушил закон" начинает тут же расти (уже в ноябре 2003 года этот ответ набрал 34% поддержки, на треть больше, чем в октябре). Иначе говоря, у властей или представляющих их прокуроров всегда оказывается в запасе ресурс размером в треть группы колеблющихся респондентов.<sup>16</sup> Однако использование "настоящих государственных резонансов", например, аргументов, построенных со значениями Запада, заграницы, введением точки зрения внешнего врага, сразу же повышает их социальную значимость в качестве средства внутригрупповой солидарности — так мотив преследований ЮКОСа правоохранительными органами, дабы "воспрепятствовать утечке акций за рубеж", тут же собрал почти половину опрошенных — 46%. Как видим, массовое отношение к делу "ЮКОСа" и суду над Ходорковским очень слабо обусловлено чисто юридической стороной вопроса. Именно поэтому, чувствуя шаткость юридических оснований обвинения, и прокуратура, и представители правительства, и депутаты Госдумы всякий раз пытались перевести разговор на тему социальной опасности "олигархов", ущерб, нанесенный ими стране и народу. Соображения "политической целесообразности" в этом случае могут полностью замещать правовые представления или даже сливаться с ними, если, как это имеет место у большинства россиян, под "правом" понимается не закон, а сила власти<sup>17</sup>.

Отношение массы российского населения к бизнесменам и предпринимателям – явлению, еще в конце 1980–х — начале 1990–х годов совсем новому, непривычному для коллективного сознания, – сложилось под влиянием советской пропаганды и уравнилительной демагогии, оно заметно окрашено завистью и недоброжелательностью. Попытки изменить эти массовые установки и стереотипы на ранних этапах перестройки с помощью относительно самостоятельных каналов массовой коммуникации, публичных политиков реформаторского крыла смягчили резко негативные оценки масс, но не изменили их в решающей степени, поскольку, кроме всего прочего, к середине 1990–х гг. заметно ухудшилось отношение населения и к самой власти, и к централизованным каналам массовой коммуникации. Так что следы прежних установок отчетливо сохранялись даже во второй половине 1990–х гг. Например, в 1997 г. половина опрошенных видела в деятельности частного бизнеса вред для страны и только треть — пользу (см. ниже табл.5). К началу 2000–х годов отношение как будто бы начало меняться в положительную сторону. Однако к лету–осени 2004 года эти

перемены явно затормозились — несомненно под воздействием нагнетаемых путинской властью негативных стереотипов вокруг ЮКОСа и его руководителей. В 2004–2005 гг. композиция массовых оценок бизнеса вернулась к привычной прежней, и теперь опять преобладает (хотя и с несколько меньшей силой, чем раньше) доля тех, кто отрицательно оценивает воздействие бизнеса на ситуацию в стране.

Таблица 5

*Деятельность российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом...*

	1997, авг	2000 сент	2003 июль	2004 июль	2005 июнь
На пользу России	34	40	45	41	42
Во вред России	49	44	39	44	44
Затрудняюсь ответить	17	16	16	15	14

Придя на волне негативной мобилизации, вызванной второй чеченской войной, режим Путина шаг за шагом подавил оппозиционные СМИ, установив контроль над основными каналами телевидения, взял на "строгий поводок" региональные власти, сделал их финансово зависимыми от федерального центра, практически ликвидировал многопартийную систему, лишив тем самым парламент, суд, прокуратуру самостоятельности и превратив их в подчиненную исполнительной власти машину для одобрения собственных действий. Массой населения возбуждение властями дела против Ходорковского должно было быть воспринято не просто как акция дистанцирования от "олигархов", на которых опирался режим Ельцина, но и как своего рода декларация Путина о намерениях решительно бороться со всеми теми кланами и группировками "новых русских", кто в глазах населения был причастен к "разворовыванию национальных богатств страны", к формированию коррумпированной системы государственной власти, подчинившей себе правительство и ставшей причиной новой бедности, хаоса и нестабильности. "Мочить в сортире" теперь должны были уже не чеченских бандитов, а крупнейших финансово-промышленных магнатов, осмелившихся считать себя независимыми.

Общественное мнение вполне прочитывает намерения властей, стремящихся уничтожить предпринимателя, который вообразил себя свободным и независимым в нынешней России, и не склонно путать нарушения закона и политическую целесообразность.<sup>18</sup> При том, что в массовом отношении к Ходорковскому преобладает явная неприязнь, самая большая группа опрошенных (в разные месяцы — от 41 до 49%, см. табл.6) все же квалифицирует действия властей, последовательно отбирающих у компании ее собственность, как более или менее очевидный произвол.

Таблица 6

*Законны ли действия властей, ведущих к банкротству компании "ЮКОС", или нет? (в %)*

	2004 июль	Авг	сент	окт	нояб	Дек	2005 январь	март	июнь
Законные действия	27	28	24	20	29	26	24	27	36
Произвол со стороны властей	14	14	13	18	14	17	15	14	12
Формально - законные действия, а по существу произвол	27	30	28	31	31	24	31	26	26
Затруднились ответить	32	28	34	32	26	33	30	33	26

Однако — и в этом заключается парадокс цинического сознания россиян — вопреки представлениям о том, что власть должна быть "справедливой", надежду на то, что правительство за счет реквизируемых богатств олигархов подкормит бедных и социально слабых, разделяет очень незначительное меньшинство, от 7 до 13 % в разные месяцы 2004 года. Большинство же — 67–69% — на вопрос: **"Кому пойдет на пользу банкротство и распродажа "ЮКОСа"?** — уверенно отвечают: "бизнесменам, приближенным к власти и самим чиновникам" (прочие затруднились с ответом; сентябрь–октябрь 2004 г.). Месяцем позже заданный вопрос, нацеленный на детализацию подобных представлений, дал очень похожие результаты.

Таблица 7

*На что будут потрачены миллиарды, полученные от намечаемой распродажи компании "ЮКОС"? ноябрь 2004*

На решение социальных задач	12
На развитие государственного сектора нефтедобычи	8
На развитие экономики в целом	12
На нужды «силовых» ведомств и спецслужб	12
На укрепление государственного аппарата	15
Будут просто разворованы	<b>51</b>
Затруднились ответить	13

Таким образом, даже отчасти и соглашаясь с интерпретациями, предлагаемыми властью, обыденное сознание россиян всячески противится признанию правоты или моральной силы за государством, упрямо настаивая на корыстном подтексте действий правительства и высшего руководства страны. Более того, по мнению абсолютного большинства россиян, даже если бы сейчас, как того хотела бы в принципе основная масса населения, была бы провозглашена политика ренационализации и государству были бы возвращены все те крупные предприятия, которыми "незаконно" владеет сегодня капитал, то из этого ничего хорошего все равно бы не вышло (табл.8).

Таблица 8

*Если сейчас пересмотреть результаты приватизации, кому, по Вашему мнению, скорее всего достанутся богатства "олигархов"? (в %)*

	2003 июль	2004 июль
Народу	10	7
Государству	24	21
Чиновникам, бюрократам	23	<b>35</b>
Другим "олигархам"	31	<b>35</b>
Преступному миру	18	17
Никому, они утратят свою ценность	4	4
Затруднились ответить	12	8

Новых вариантов объяснения процесса над ЮКОСом за полтора года следствия и судебного разбирательства не появилось, хотя соотношения представленных выше мнений могли колебаться под воздействием официальной пропаганды или ситуативных обстоятельств<sup>19</sup> Точно также практически не менялись на всем протяжении судебного процесса представления о характере судебного разбирательства, несмотря на явную предвзятость официальных средств массовой информации.

Суд. Суд над М.Ходорковским и П.Лебедевым не был справедливым и независимым. Невозможно было скрыть, что власти оказывали постоянное давление на судей с целью заставить их вынести обвинительный приговор.<sup>20</sup> Исключением стали лишь самые последние месяцы перед вынесением приговора, когда резко снизилось число тех россиян, кто считал суд необъективным, и увеличилось число затруднившихся сказать, каков же был этот суд (табл. 9 и 10). Примечательно, что люди отвечали таким образом именно в тот момент, когда доля ответов "власть давит на суд" достигла максимума (53%). Интерпретировать это можно только одним образом: население признало, что власть, стремящаяся заставить суд признать богатых людей преступниками в силу именно их богатства, права.

Таблица 9

*Как Вы думаете, суд над бывшими руководителями "ЮКОСа" Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым будет /является объективным, беспристрастным или нет?*

Год опроса	2004						2005		
	VI	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III
Определено да+ Скорее, да	30	29	33	31	32	32	32	35	40
Скорее, нет+ Определено нет	46	48	30	37	38	33	37	33	21
Затруднились ответить	24	23	37	32	30	35	31	32	39
Соотношение утвердительных и отрицательных мнений	0,7	0,6	1,1	0,8	0,8	1,0	0,9	1,1	1,9

Таблица 10

*Оказывает/ оказывала ли власть давление на судей в деле М.Ходорковского и П. Лебедева с целью вынести им обвинительный приговор или нет?*

Год опроса	2004					2005					
	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	VI	VII	
Определено да+ Скорее да	43	48	47	43	50	47	40	53	51	41	
Скорее нет+ Определено нет	21	17	18	19	17	19	21	18	15	21	
Соотношение утвердительных и отрицательных ответов	2,0	2,8	2,8	2,3	3,1	2,5	1,9	2,9	3,4	2,0	
Затруднились ответить	36	35	35	38	34	34	39	29	34	38	

В % к числу опрошенных по столбцу

Чаще других давление властей на суд усматривали по ходу следствия и судебного разбирательства более образованные, обеспеченные и высокостатусные подгруппы россиян, а также — полярные по отношению к ним группы самых дезадаптированных и бесперспективных, тех, кто не одобряет деятельность президента Путина (их в выборке вдвое меньше, чем одобряющих). Впрочем, ясное сознание необъективности суда не влияет на негативное отношение к самому Ходорковскому. Равнодушие, с одной стороны, и уход от определенного ответа, с другой, — таковы две массовые тактики самоустранения от происходящего в стране, преобладающего "невключения" в него. Сочувствие к Михаилу Ходорковскому высказывали лишь 17% (63% — нет). Больше половины опрошенных (53%) с той или иной степенью уверенности считали М.Ходорковского виновным в тех поступках, которые ему инкриминирует обвинение (о невиновности говорят лишь 13%).

Действия прокуратуры и суда, каковы бы ни были реальные мотивы действий против ЮКОСа, воспроизводят, с точки зрения большинства россиян, ритуалы "правильного поведения" властей, демонстрирующих усилия по обеспечению "законности", то есть то, что положено делать верховной власти. Это, вне всякой связи с законностью и конечной целесообразностью, заметно повышает популярность и президента, и — отраженным от него светом — самой генпрокуратуры.

Таблица 11

Как вы полагаете, эта кампания правоохранительных органов повысила или нет доверие населения к ...

	Путину	Прокуратуре
Повысила	43	46
Понизила	14	8
Не изменила	25	25
Затруднились ответить или отказались от ответа	18	20

Ноябрь 2003, в % к числу опрошенных

Таблица 12

Как Вы считаете, подтверждаются ли в суде обвинения, предъявленные Ходорковскому и Лебедеву — или они разваливаются в ходе судебного разбирательства? (в %)

	2004			2005		
	Сентябрь	Ноябрь	декабрь	Январь	Февраль	Апрель
В целом/ по большей части подтверждаются	28	27	26	26	29	31
В целом/ по большей части разваливаются	23	25	22	26	22	22
Затруднились ответить	49	48	52	48	49	47

Предубеждения против Ходорковского стали расти с усилением обвинительного тона в средствах массовой информации, поскольку какая бы то ни было альтернативная точка зрения уже не могла быть услышана. В ноябре 2003 года склонялись к виновности Ходорковского около четверти опрошенных. Через год их уже было 34%. В мае 2005 года (до вынесения приговора) виновным его считали уже 53%. И это при том, что абсолютное большинство было вполне равнодушно и ни только не вникало в детали судебного разбирательства, но практически вообще ничего не слышало или не читало об этом деле. Напротив, те 10–11% которые внимательно следили за ходом судебного разбирательства, полагали, что обвинение рассыпается и прокурор в состязательном процессе оказывается совершенно несостоятельным. Тем не менее, к апрелю 2005 года уже 31% опрошенных считали, что обвинения против Ходорковского в суде подтверждаются, более того — 38% были убеждены в том, что Ходорковский за ширмой нефтяной компании создал преступную группировку, которая совершала экономические преступления и заказные убийства. Соответственно, 49% были уже готовы одобрить максимально жесткий приговор (10 лет заключения).

Иначе говоря, именно некомпетентная и неинформированная масса оказывается наиболее надежной опорой для авторитарной и бесконтрольной власти. Она не в силах сопротивляться воздействию государственных СМИ, поскольку они обладают монополией на информационное пространство, и соглашается с транслируемой ими точкой зрения, но при одном условии: если власть при этом подыгрывает ее комплексам, фобиям и предрассудкам. Тогда масса в конечном счете принимает собственные установки и антипатии за убедительные

аргументы. "Большинство" в этом плане всегда будет разделять произвол или прагматический цинизм властей, использующих подобные фобии в собственных интересах.

**Приговор.** Судя по данным наших опросов, с сентября 2004 г. по март 2005-го примерно половина населения России не могла для себя решить, чью сторону на суде по делу ЮКОСа принять — обвинения или защиты. Эти 48–52% опрошенных уклонялись от определенного ответа. В апреле же 2005 г. ситуация начала сдвигаться в сторону все большего принятия массой обвинительной точки зрения. Соответственно, стала сокращаться доля затрудняющихся с ответом. В июне 2005 г., после вынесения приговора руководителям ЮКОСа, на вопрос "Удалось ли в ходе суда над Ходорковским и Лебедевым доказать, что они совершали экономические преступления?" уже 58% россиян ответили утвердительно (не уверены сегодня в доказанности обвинений 17%, четверть респондентов затруднились с ответом). Примерно таково же распределение ответов на вопрос, убеждены ли респонденты лично в виновности М.Ходорковского (соответственно 59, 16 и 25%). Как видим, доля тех, кто многие месяцы затруднялись с ответом на решающий вопрос, за последние полтора–два месяца сократилась вдвое. Обвинительный уклон суда подавляющим большинством населения принят и усвоен, в смысле — сочтен своим. И хотя, как уже было сказано, большинство населения по-прежнему уверено, что власть оказывала давление на суд с целью вынести подсудимым жесткий приговор, оно, тем не менее, предпочло признать реальность, чтобы не входить с ней в конфликт, и больше того, уговорить себя, будто произошедшее не просто произошло, но что оно правильно и справедливо.

Самые молодые россияне (до 24 лет) проявляют максимальную среди всех возрастных групп отстраненность от "дела Ходорковского": среди них наиболее велика доля затрудняющихся с ответами на большинство вопросов, особенно — связанных с политическим характером судебного процесса и его последующим влиянием на политическую обстановку в стране и в мире. Наиболее критичны в отношении поведения властей, чаще других видят заказной, политический характер судебного разбирательства, запрограммированного на жесткий обвинительный приговор, россияне наиболее активного возраста — 25–39-ти лет (к ним близки в этом и сорокалетние). Напротив, максимально лояльны по отношению к власти, ее видению "дела Ходорковского", наиболее негативно относятся к фигуре М.Ходорковского и максимально одобряют вынесенный ему приговор россияне 55 лет и старше. Соответственно, максимально критичны к власти наиболее образованные, более обеспеченные группы россиян активного возраста, максимально лояльны низко образованные, нуждающиеся пожилые россияне. Более образованные и относительно обеспеченные россияне заметно чаще усматривают в деле ЮКОСа политическую подоплеку: так, уверены, что большую роль в "деле" сыграли политические взгляды М.Ходорковского и поддержка им партий, оппозиционных власти, 36–38% наиболее доходных групп респондентов, 43% опрошенных с высшим образованием (тогда как в среднем по выборке — 30%).

Голосовавшие на последних президентских выборах за В.Путина (они составляют относительное большинство респондентов), соответственно, гораздо чаще поддерживают в данном вопросе власть и послушный ей суд. Среди их оппонентов сколько-нибудь значимую в статистическом



отношении группу составляют лишь те, кто симпатизируют коммунистам и голосовали за Н.Харитонову. Понятно, что они хоть и критичны в отношении кремлевской власти, но при этом целиком разделяют обвинительный уклон суда и его приговор.

Однако — и в этом состоит наиболее значимый итог последнего месяца перед решением суда и общественное воздействие самого приговора — даже наиболее образованная, доходная и критичная по отношению к властям подгруппа респондентов, составляющая абсолютное меньшинство, сегодня примерно так же, как преобладающая часть россиян, а в ряде случаев и более их, убеждена в том, что суд доказал вину М.Ходорковского по предъявленным ему статьям, и лично уверена в его виновности. Так что в любой из социально-демографических групп преобладают сегодня составляют те, кто считает М.Ходорковского виновным, а его вину доказанной, хотя в наиболее пожилых и наименее обеспеченных группах эта убежденность в виновности "олигарха" выражена несколько сильнее.

Определив отношение россиян к делу ЮКОСа и приговору его руководителям можно считать три фактора: преобладающее безразличие к фигуре и судьбе Михаила Ходорковского (в среднем его выражает сегодня каждый третий из опрошенных, а среди наиболее молодых россиян — двое из каждых пяти); явное дистанцирование молодежи от происходящего вокруг этого "дела", а особенно — от его политических аспектов; превалирующее среди всех социально-демографических групп россиян единство в принятии жесткого обвинительного приговора руководителям компании, рессантиментная по характеру предвзятость слабых и равнодушных в отношении к богатым, задавшая общее представление о виновности Ходорковского и Лебедева и доказанности этой вины в суде, молчаливое одобрение власти в ее якобы равноудаленности, а на самом деле — в ее демонстративно-уравнительной социальной политике и столь же демонстративных репрессивно-карательных функциях.

Таким образом, общественное мнение не устояло перед давлением официозных источников информации и, в конце концов, сдалось, согласившись с точкой зрения властей на дело ЮКОСа (преобладающее поддакивание или молчание со стороны интеллектуального сообщества и его "столпов" сейчас не обсуждаем). Позиция соглашающихся с обвинением в целом оказывается более влиятельной, во-первых, потому, что это точка зрения властей, во-вторых, ее придерживаются наименее информированные и косные группы, не нуждающиеся в каких-то рациональных аргументах и доводах. Соотношение мнений тех, кто считает дело Ходорковского и Лебедева политическим, и тех, кто соглашается с прокуратурой, что здесь нет политики, что это "банальное мошенничество и экономическое преступление", как заявляли прокуроры, ведущие это дело, составляет 33 к 42%. В целом самая большая часть опрошенных (44%, июнь 2005 г.) приняла приговор, хотя мнения о том, что суд вынес справедливое и взвешенное решение, разделяют только 28% (среди них больше всего избирателей ЕР и КПРФ). 16% россиян хотелось бы более сурового и жесткого наказания (главным образом, это сторонники ЛДПР и "Родины").

Негативно расценили приговор Ходорковскому и Лебедеву лишь треть опрошенных, при этом 13% считали его "слишком жестоким" (здесь преобладают сторонники СПС — их ответы втрое выше среднего), а 20%

вообще отказали ему в правовой значимости, посчитав его показательной расправой над негодными людьми, имеющей мало общего с тем, что считается "объективным судебным решением" (здесь особенно много избирателей "Яблока" и тех, кто вообще не ходил голосовать, противников Путина). Примерно четверть респондентов (23%) отказались отвечать на соответствующие вопросы, заявив, что не имеют мнения или затрудняются дать определенный ответ.

**Оценки последствий процесса Ходорковского–Лебедева.** Начиная с осени 2004 года, когда население начало понимать, что власть не выпустит Ходорковского из тюрьмы несмотря на то, что обвинения с правовой точки зрения разваливаются (точнее — именно поэтому, так как в противном случае придется признать провал всей социально-экономической политики последних лет, на что Путин никогда не пойдет, как никогда не признает он провал чеченской политики), в общественном мнении утверждается представление, что одним "ЮКОСом" дело не ограничится и власти готовятся преследовать также других крупнейших бизнесменов, "олигархов". Чаще всего об этом говорили две очень различные по своему составу и характеристикам группы: либо молодые люди, либо руководители и служащие, настроенные пропутински, "государственнически". Среди политически активной части российского населения (тех, кто участвует в выборах), сильнее других уверены в предстоящих преследованиях олигархов и капиталистов голосовавшие за "Родину", затем сторонники Г.Явлинского и, наконец, "единороссы".

Таблица 13

*Последуют ли после вынесения приговора Ходорковскому другие уголовные дела против крупных российских предпринимателей? (в %)*

	2004			2005				
	Сент.	Окт.	Нояб.	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май
Да*)	48	57	51	54	53	56	50	53
Нет*)	24	23	24	20	20	19	27	23
Затруднились ответить	28	20	25	26	27	25	23	23

\*) Сумма ответов "определенно да" и "скорее да" + "скорее нет" и "определенно нет"

Презумпция виновности, с которой общественное мнение воспринимало дело Ходорковского, не мешает значительной массе населения видеть негативные последствия этого дела — сокращение инвестиций в российскую экономику, соответственно, падение ее роста, рост напряженности в обществе, обострение политической ситуации в стране, ухудшение отношений к России на Западе и проч. Абсолютное большинство опрошенных — 52% — на вопрос: **"Как вы считаете, оказывает ли дело "ЮКОСА" отрицательный эффект на желание российских предпринимателей вкладывать свои капиталы в Россию?"** — ответили утвердительно, не согласились с этим лишь 17%, прочие затруднились с ответом, будучи явно вне круга данных проблем. Естественно, что более молодые и образованные острее воспринимают угрозу произвола властей для экономики страны. Слабее негативные последствия этого ощущаются в средних и малых городах, не говоря уже о селе, где позитивные результаты реформ 1990-х гг. почти не чувствуются. По данным опроса в июне, уже после вынесения приговора, политически ангажированная часть населения высказывается более категорично (число затруднившихся с ответами на этот вопрос у них

заметно снижается). Уверены в продолжении охоты прокуратуры на крупнейших бизнесменов 92% яблочников, 69% приверженцев "Родины", 59% избирателей "Единой России", 55% коммунистов. Сомневается явное меньшинство избирателей (от 15 до 22%). В целом же политические последствия дела Ходорковского–Лебедева остаются для большей части населения по–прежнему неясными: 41% опрошенных затрудняются высказать об этом какое–то мнение. Как видим, преобладает, опять–таки, поза невключенности, неполного присутствия.

Вместе с тем, принуждение общественного мнения к принятию точки зрения властей о виновности руководителей ЮКОСа далось прокуратуре с большим трудом и ценой усиливающейся ее дискредитации. Попытки как–то снять и компенсировать негативное впечатление от цинического и топорно сделанного спектакля, который прокуратура устроила в Басманном суде, привели уже после вынесения приговора к еще более неуклюжим обвинениям Ходорковского и Невзлина в организации убийств нескольких нежелательных им лиц. И здесь повторяется та же история, что и в начале процесса, когда летом 2003 года общество отказывалось поверить в то, что заявляли власти. В июле 2005 года, на вопрос: **"Верите ли Вы заявлениям прокуратуры о том, что Ходорковский и Невзлин вместе с еще "неустановленными лицами" являются заказчиками и организаторами убийств пяти человек?"** – 47% затруднились ответить, 23% – заявили "верю" и 30% – "не верю".<sup>21</sup>

Сам длительный и противоречивый характер судебного процесса над Ходорковским свидетельствовал о том, что "наверху" не знали, что как выпутаться из этого дела, в которое вляпались власти. Об этом можно судить по многократным периодам затягивания дела по самым разным поводам и обстоятельствам, случайным по отношению к юридической стороне дела (вроде саммита большой восьмерки, празднования Победы и т.п.) Негативный эффект его был очевиден как внутри страны (о крайне тяжелых последствиях этого процесса на инвестиционный климат, на экономику в целом, подорвавшего наметившийся подъем в первые годы путинского правления, говорили с самого начала возбуждения уголовного обвинения против ЮКОСа), и за рубежом: имидж президента уже безнадежно подпорчен. Лишь после трагедии в Беслане власти решились на ускорение судебного разбирательства с целью хоть как–то перключить общественное внимание с провала своей внутренней политики на "олигархов", превращенных в "козлов отпущения". Но пропагандистский "грассферт" выходил очень скверным. Поэтому только после неожиданной волны митингов и протестов пенсионеров было принято решение форсировать завершение судебного процесса любой ценой, лишь бы сбить нарастающее напряжение.

Однако все эти политические неудачи едва ли скажутся на отношении общества к власти и ее первому лицу. Другое дело, что подобный цинизм разъедает сами основания путинского режима, увеличивая разрыв между властью и массой, между закулисной "политикой", виртуальным политиканством и реальной ситуацией в стране, делая систему "управляемой демократии" все более неустойчивой. Чем жестче режим, чем в большей степени он опирается на силовые структуры, тем больше он создает проблем, с которыми уже не в состоянии справиться и которые вынужден скрывать за новыми порождаемыми им же проблемами. Некомпетентность и ригидность путинских новых управленцев, пришедших из спецслужб и силовых структур, создает все более значительное напряжение в обществе, особенно в верхних

эшелонах системы управления. Неизбежный в этом плане кризис скорее всего произойдет в точке смены власти, при следующем цикле передачи полномочий от Путина кому-то еще. Но он будет протекать тем быстрее, чем более разрушенными окажутся представления о легитимности властей и доверие к институциональной системе социума.

Подытоживая наш разбор массовых реакций на дело ЮКОСа и представлений о легитимности властей, мы приходим к следующим заключениям. Ситуация вокруг перечисленных срывов в системе государственного управления и в политической сфере в целом, при всех конкретных различиях, представляется нам сходной и в социологической перспективе выглядит модельной для российской политики. Вкратце ее можно описать так. Проблемы, накапливающиеся на разных уровнях социума, в силу концентрации власти в центре не могут быть разрешены без участия самых верхних этажей централизованного управления, президентской команды. Но именно поэтому они и не решаются: их решение потребовало бы включения в ситуацию новых акторов и перехода к качественно иным, внеиерархическим, современным формам гибкого и многостороннего взаимодействия между ними, собственно "политики" в точном смысле слова, — потребовало бы, иными словами, принципиально переопределить саму ситуацию.

Напротив, руководящая верхушка, все более и более напоминающая по своим интенциям "хунту", идет вместо этого на крайнее упрощение, вводя призраки угрозы и фигуры врагов, симулируя чрезвычайность, необходимость крайних мер и безальтернативность предлагаемого выхода. Образ врага при этом придается тем вновь обозначившим себя группам, которые, по их заявлениям и поведению, готовы инициировать эту новую игру с большим числом участников и по более сложным правилам. Каждый очередной политический или управленческий провал или неуспех президентской команды компенсируется демонстративным силовым поведением (на Кавказе, в экономике, в отношениях федерального центра с региональными властями, со странами ближнего зарубежья, в ликвидации местного самоуправления, автономности СМИ и проч.) по принципу "а кто здесь главный", скрывающим государственную, политическую и управленческую некомпетентность и неумение предвидеть или учитывать последствия своих действий, нежелание что-то обсуждать, внимать доводам оппонентов или просто заинтересованных сторон.

---

<sup>1</sup> В основе статьи — данные, полученные в серии из 15 опросов, которые были проведены в 2003–2005 гг. Аналитическим центром Юрия Левады по заказу фонда "Общественный вердикт" (объем выборки в каждом случае — 1600 человек). Тем самым мы продолжаем анализ реакций российского общества на процесс Ходорковского, начатый в предыдущих публикациях нашего журнала: Гудков Л. О легитимности социального порядка в России // Вестник общественного мнения, 2004, No. 2 (70), с. 18–42 (приводимые там данные опросов заканчиваются на ноябре 2003 года). См. также: Дубин Б. Медиа постсоветской эпохи: изменение установок, функций, оценок // Там же, No.2 (76), с. 22–29; Гудков Л. Цинизм "непереходного" общества // Там же, 2005, No. 2 (76), с. 43–82.

<sup>2</sup> Папиз Я. Олигархи: экономическая хроника, 1992–2000. М., 2004. См. также лекцию Я.Ш.Папизе, прочитанную 30 июня 2005 года в клубе "Билингва" "Конец эры олигархов. Новое лицо российского крупного бизнеса" [www.polit.ru/lectures/2005/07/05/pappe.html](http://www.polit.ru/lectures/2005/07/05/pappe.html) и недавний материал, подготовленный им совместно с Я.С.Галухиной: "Российский крупный бизнес: события и тенденции в 2004 году". Обзор No.12 от 15 марта 2005 г. М., Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. С. 3, 4.

- 3 Известно, в том числе и из данных различных социологических исследований (упомянем в этой связи лишь опрос 620 российских предпринимателей, проведенный Левада-Центром в январе–феврале 2004 г.), что только крупный бизнес в России в состоянии противостоять давлению коррумпированного государственного аппарата. Располагая не только финансовыми возможностями самозащиты, но и сильным персоналом квалифицированных юристов, крупный бизнес заинтересован в разгосударствлении экономики, подавлении коррупции, прежде всего со стороны местного чиновничества, заинтересованного в сращении с бизнесом, паразитирующего на нем, растущем благодаря своего рода административной ренте или "приватизации государства", а также – в легализации неформальных сетевых отношений. Мелкий и средний предприниматель пойти на такое не может, поскольку у него нет сил сопротивляться рэкету со стороны государственной бюрократии — исполнительной власти, правоохранительных органов, налоговой полиции, персонала санэпиднадзора, пожарной и прочих инспекций.
- 4 Именно поэтому требовался показательно устрашающий процесс, который генпрокуратура с грехом пополам и провела.
- 5 Идеологическим обоснованием этой новой политики администрации президента стал появившийся примерно за год до процесса Ходорковского провокационный доклад о "заговоре олигархов" против Путина, подготовленный И.Дискиным и С.Белковским, тогда мало кому известными политическими консультантами, близкими к кремлевской администрации.
- 6 Речь идет не только о создании параллельных структур управления, дублирующих и подменяющих слабо управляемые с точки зрения теневого руководства страны конституционные органы, но и о ликвидации автономности, нейтрализации независимых центров влияния — от региональных и местных властей до предпринимательских объединений, подчинения или уничтожения прессы и ТВ, общественных организаций, политических партий. Реализация этих целей проводится с железной последовательностью, с использованием как административного ресурса (принуждения и частичных фальсификаций подсчета голосов на выборах), так и изменений в законодательстве, или судов различной юрисдикции, от Басманного до Верховного, всегда решающих конфликты в пользу президентской администрации — от "спора хозяйственных субъектов" до уголовного и политического преследования, чаще именно уголовного.
- 7 Подробнее о проникновении спецслужб и военных в структуры власти, о милитаризации государственного управления и экономики см.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.
- 8 Совместное заседание Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), "Деловой России" и "Опоры России" сразу же после задержания Ходорковского завершилось обращением к президенту сдержанным заявлением, где была выражена озабоченность "эскалацией действий власти и правоохранительных структур по отношению к российскому бизнесу". В.Путин отказался принять представителей РСПП для обсуждения этих вопросов, а через несколько дней были арестованы акции ЮКОСа. Поведение обеих сторон, проявленная здесь расстановка сил с самого начала предопределила характер, ход и итоги судебного процесса, их оценку массами. Произошедшее было понято социумом сразу и однозначно, так что других публичных попыток воздействовать на высших чиновников, обратиться к "третьим" лицам и т.д. со стороны российского общества не последовало.
- 9 Интересно, что массовое сознание вполне адекватно отражает эти реакции бизнеса. На вопрос, заданный респондентам в августе 2004 г.: "Почему российские бизнесмены, частные предприниматели не протестуют против действий правоохранительных органов в отношении ЮКОСа?", — были даны следующие ответы: они поддерживают эти действия — 8%; у них нет возможностей повлиять на действия властей — 24%; они надеются, что такие действия их самих не коснутся — 27%; они рассчитывают сами "поживиться" за счет разорения ЮКОСа — 20% (прочие затруднились ответить).
- 10 В июле 2005 г. на вопрос: "Какие чувства вызвали у Вас результаты суда над Михаилом Ходорковским?" — 14% опрошенных ответили "удовлетворение" и "радость", 9% — "беспокойство" и "страх", но более двух третей (67%) остались совершенно равнодушными ("не вызвали никаких чувств"). Вместе с тем, кто затруднился с ответом на данный вопрос, они составили 77%.
- 11 Распределение ответов на регулярно задаваемый вопрос: "С какими чувствами Вы относитесь к людям, разбогатевшим за последние 10–15 лет?" — носит очень устойчивый характер: самая большая группа респондентов (37%) не испытывает никаких особых чувств, позитивное отношение (уважение, интерес, сочувствие и т.п.) присуще для примерно чуть менее трети — от 29 до 32%, и наконец — резко негативные установки (ненависть, раздражение, презрение) обнаруживаются

- примерно у такой же доли населения — от 28 до 33%. (данные опросов в ноябре 2003 и 2004 года). Именно эти группы и являются выразителями социального рессантимента, в том числе — и по делу ЮКОСа.
- 12 Отметим одно чрезвычайно важное обстоятельство: крайне низкий уровень доверия (или точнее, заметное недоверие) к суду как институту и правоохранительным органам в целом, своего рода генетическая память тоталитарного прошлого. Полностью не доверяющих суду, милиции или прокуратуре в 2–3 раза больше, чем полностью доверяющих (10–13%). В том, что в России "нельзя найти защиту от произвола властей", убеждены 49%, и лишь 4% опрошенных полагают, что это не так, в России нет произвола властей. В то, что подобную защиту от государства можно искать и находить именно в суде, верят только 10% (март 2001 г.). — Подробнее см.: Гудков Л. Отношение к правовым институтам в России// Он же. Негативная идентичность. М., 2004, с. 737–768.
  - 13 Ср. типовой пассаж из рассуждений проходной политической фигуры: "Именно поэтому государство имеет полное моральное и юридическое право спросить у новых собственников, что они реально сделали за последние 10–12 лет владения предприятиями..." — Бунич А. Сцилла всепрощения и Харибда национализации// Политический класс, 2005, июнь, No. 6, с. 20.
  - 14 Озвученный недавно одним из ближайших помощников президента В.Сурковым слоган "суверенной демократии", конечно же, не означает в наших условиях ничего иного, кроме категорического нежелания правящей группировки делиться властью или кому-то ее передавать — напротив, в перспективе приближающихся думских и президентских выборов он должен читаться как требование и предупреждение "не соваться в наши дела", обращенное и внутрь страны, и за ее пределы.
  - 15 Этому соответствовало массовое убеждение, будто власти и Ходорковский договорятся и дело будет спущено на тормозах. Еще более ярко эти представления об интересах российских властей и законников проявляются в том, что люди думали об окончании этой истории: основные версии здесь заключаются в следующем: 1. Власть и олигархи договорятся, дело будет спущено на тормозах (в июле так считали 28% в ноябре— 26%); 2. Власть, прокуратура продемонстрирует свою силу, и этим все кончится (17% в июле и 24% в ноябре, как видим, этот вариант получает со временем несколько большую поддержку). Последующие варианты полярны по установкам респондентов: 3. Дело закончится разгромом компании и национализацией нефтяного концерна, бегством Ходорковского за рубеж, как это было с Гусинским или Березовским (рост с 8 до 13%); 4. "Под давлением российских олигархов, западных политических и финансовых кругов российские власти, суд, прокуратура сдадутся и откажутся от судебного преследования" (снижение числа тех, кто разделяет эту точку зрения с 11 до 7%). Вместе с тем, значительному числу людей хотелось, чтобы приговор был гораздо более суровым: 20% опрошенных считали, что обвиняемые должны быть осуждены на 10 лет и более. То, что суд закончится максимально суровым приговором, ожидало лишь незначительное меньшинство (6%). Интересно, что Жириновский, как всегда чутко улавливающий эти флюиды массовой недоброжелательности, сразу после вынесения приговора Ходорковскому и Лебедеву заявил, что "дали мало": "Надо бы — расстрел".
  - 16 Столько же опрошенных были готовы согласиться с тем, что "арест произведен с целью ограничить влияние Ходорковского в политике" (20%) или что "власти недовольны действиями Ходорковского в нефтяной области" (14%). 21% полагали, что все это затеяно, чтобы "создать проблемы в деятельности ЮКОСа". Еще 14% полагали, что все эти объяснения одинаково значимы (октябрь и ноябрь 2003 года).
  - 17 Подробнее об этом см.: Курильски–Ожвен Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции. М., 1996.
  - 18 Все это, однако, не объясняет упорного, личного характера преследования М.Ходорковского, вызванного, видимо, слишком независимым и самонадеянным поведением человека, до недавнего времени бывшего самым богатым в России и осмелившегося кинуть в лицо Путину, что его окружение — "воры". Без учета этого обстоятельства, окрасившего ход процесса в тона личной мести, показной суровости и демонстративного унижения "олигарха" президентом и его окружением, понять происходящее достаточно сложно.
  - 19 Например, практически ушли все версии, связанные с первоначальным взглядом на дело ЮКОСа как рекламную кампанию нынешней администрации, развернутую перед избирательной кампанией, как на политический предвыборный ход.
  - 20 Это сделать было тем труднее, что у абсолютного большинства россиян наблюдается стойкое убеждение, что российские власти постоянно используют правоохранительные органы для противодействия своим политическим противникам (соотношение мнений о том, что такие действия крайне редки или они вообще не

имеют места в сегодняшней России, и что это обычное дело или даже что вообще постоянная практика, носит очень устойчивый характер на протяжении последнего времени и составляет 1:2 (сумма мнений "нет" и "крайне редко" в среднем за первую половину 2005 года дают 27% ответов всех опрошенных и "довольно часто" + "это постоянная практика" — 53%).

- 21 Не трудно из уже сказанного понять, что новые обвинения готовы принять в первую очередь не очень образованные мужчины предпенсионного возраста, с низким уровнем доходов и потребительским статусом, жители малых городов, голосовавшие за ЛДПР и "Родину" и т.п. Сомнение вызывает прежде всего то обстоятельство, что прокуратура опирается главным образом на сомнительные аргументы и свидетельства: показания уголовников, отбывающих длительные сроки заключения, людей умерших или "неизвестных третьих лиц", то есть опять — так располагает крайне шаткой и спекулятивным доказательной базой, что у подавляющего большинства опрошенных (от 61 до 69%) вызывает резкое неприятие. Чем слабее правовая основа охраняющих закон "органов", тем грубее и циничнее выглядят политические мотивы самого преследования.

---

Published 2005-08-31

Original in Russian

Contribution by Osteuropa

First published in *The Russian Public Opinion Herald*, 2005, N4(78), p. 30-45

(c) Boris Dubin/Lev Gudkov/The Russian Public Opinion Herald

(c) Eurozine